

Научная статья
УДК 94(574)
doi: 10.54398/1818510X_2023_1_68

**ИДЕЯ ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА
И ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ**

Кабазиев Манарбек Шакирович

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия
kabaziyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2285-3421>

Аннотация. Статья посвящена анализу идеи евразийства в контексте конструирования политической идентичности Республики Казахстан. Автор исходит из предпосылки, что распад Советского Союза привёл к необходимости интенсивного национального строительства в получивших независимость странах. Данная задача продиктована потребностью создания и легитимации политических институтов. Для этого было необходимо сконструировать новую политическую идентичность, объединяющую нацию. В современном Казахстане существует несколько сценариев консолидации общества. В большей степени, это сочетание попыток строительства гражданской или этноцентрической нации. В то же время кроме создания внутренней платформы необходимо конструирование идентичности на наднациональном уровне. Эта задача обусловлена необходимостью вписать общество в более крупный контекст. В статье рассматриваются пять сценариев, как это было возможно. Один из них, который впоследствии был выбран, является сценарием евразийской интеграции. Описываются его исторические предпосылки, современное состояние и перспективы. Отмечается, что именно руководство Казахстана выдвинуло идею евразийской интеграции. Также даётся общая характеристика ЕАЭС как институциональному воплощению идеи евразийства. Описываются основные институты ЕАЭС, краткая история их появления и особенности функционирования. Анализируется разница в понимании сущности данного объединения в Казахстане и России. Отмечается разница в понимании целей интеграции у России, Беларуси, Казахстана и других участников объединения.

Ключевые слова: политическая идентичность, Казахстан, евразийство, ЕАЭС, Центральная Азия, нация, интеграция, политические институты, «Один пояс – один путь», пантуранизм, суверенитет, Таможенный союз, Казахстан-2030

Для цитирования: Кабазиев М. Ш. Идея евразийства в контексте конструирования политической идентичности современного Казахстана и её институциональное воплощение // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 68–73. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_68.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE IDEA OF EURASIANISM IN THE CONTEXT OF CONSTRUCTING THE POLITICAL IDENTITY OF MODERN KAZAKHSTAN
AND ITS INSTITUTIONAL IMPLEMENTATION**

Manarbek Sh. Kabaziev

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
kabaziyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2285-3421>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Eurasianism idea in the context of constructing the political identity of the Republic of Kazakhstan. The author proceeds from the premise that the collapse of the Soviet Union led to the need for intensive nation-building in the newly independent countries. This task is dictated by the need to create and legitimize political institutions. It was necessary to construct a new political identity that would unite the nation to do this. There are several scenarios for the consolidation of society in modern Kazakhstan. It is a combination of attempts to build a civil or ethnocentric nation. At the same time, in addition to creating an internal platform, it is necessary to construct an identity at the supranational level. This task is driven by the need to fit society into a larger context. The article describes five scenarios of how this was possible. One of them, which was subsequently chosen, is the Eurasian integration scenario. Its historical background, current state and prospects are described. The idea of Eurasian integration was suggested by the leadership of Kazakhstan. It also gives a general description of the EAEU as an institutional embodiment of the idea of Eurasianism. The main institutions of the EAEU, a brief history of their emergence and features of functioning are described. The difference in understanding the essence of this association in Kazakhstan and Russia is also analyzed. There is a difference in understanding the goals of integration among Russia, Belarus, Kazakhstan, and other participants in the association.

Keywords: political identity, Kazakhstan, Eurasianism, EAEU, Central Asia, nation, integration, political institutions, "Belt and road Initiative", panturanism, sovereignty, customs union, Kazakhstan-2030

For citation: Manarbek Sh. Kabaziev. The idea of Eurasianism in the context of constructing the political identity of modern Kazakhstan and its institutional implementation. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 68–73. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_68.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Распад Советского Союза привёл к активизации множества тектонических процессов в политике Евразийского континента. Это не только появление новых государств, стремящихся найти свое место на мировой арене, но и активизация интеграционных и дезинтеграционных процессов. Данные процессы были инициированы как следствие появления на континентальном пространстве множества игроков, имеющих культурные, языковые, религиозные и иные связи с различными акторами мировой политики.

Несмотря на распад общего государства, большинство получивших независимость стран не стремились разрывать прежние экономические и политические связи. С одной стороны, это было вызвано необходимостью осуществить «цивилизованный развод» – выстроить свою независимость с минимальным ущербом для экономики и социальной сферы, избежать крупных политических и военных конфликтов. С другой стороны, это также был ответ на аксиологическую потребность народов ощущать себя частью большого

пространства, более крупной общности. Советское государство давало населяющим его народам данное чувство принадлежности. После обретения независимости оно потеряло актуальность, и был инициирован глобальный процесс поиска новой политической макроидентичности – сферы, куда может быть встроена национальная политическая идентичность.

Российский и советский особый опыт государственности сделал невозможным однозначную ассоциацию принадлежности постсоветских государств к единому макрорегиону. Точнее, не все страны имели такую возможность. Если прибалтийские государства могли однозначно ассоциировать себя с Европой, в сжатые сроки стать частью европейского сообщества, то Россия и страны Центральной Азии не могли быть однозначно идентифицированы ни как часть Европы, ни как часть Азии.

Логичным ответом на это стало актуализация исторических интеграционных концепций, наиболее значимой из которых выступила идея евразийства. Своё воплощение она нашла в различных институтах, большая часть из которых сосредоточена вокруг организации ЕАЭС.

Исследование макроидентичности подобного типа, евразийских интеграционных процессов, является объектом множества научных публикаций. Прежде всего, есть плеяда классических работ по вопросам евразийства и авторов, которые переосмысливают Гумилева, Трубецкого и их последователей в наше время [4, с. 11–12; 13, с. 38–52; 23, с. 85–93; 21, с. 42–45]. Данные работы концентрируются на описании общих исторических особенностей государственности, свойственных всем странам региона, в особенности России, Казахстану и другим странам Центральной Азии.

Также выделяется группа работ, изучающая евразийскую интеграцию в рамках ЕАЭС как сугубо экономический феномен [20, с. 189–196; 12, с. 87–94; 17, с. 148–158]. Странники данного подхода не склонны преувеличивать политическую значимость евразийства как такового, делая акцент на том, что это не является ничем большим, кроме как платформой для взаимного развития экономики, которая, соответственно, ограничена необходимостью получать взаимную выгоду от партнёрства. «Мы хотим минимизировать экономические и социальные последствия разрушения Союза... но не нужно возрождать империю, которая денационализировала республики, на это никто не пойдёт» [20, с. 192].

Третья группа работ концентрируется на изучение интеграционного потенциала институтов ЕАЭС [3, с. 17–21; 9, с. 2–19; 14, с. 57–70]. Как правило, сторонники данного подхода исходят из того, что сама интеграция является следствием необходимости адаптации новообразованных в 1991 г. государств к условиям современной мировой системы. Сотрудничество является способом решения утилитарных вопросов политики и экономики общими усилиями. В таком разрезе партнёрство приобретает вынужденный характер. «Развитие постсоветского пространства определялось тогда двумя тенденциями: с одной стороны, происходило становление национальной государственности, а с другой – набирала силу тенденция к интеграции стран СНГ» [21, с. 42–45].

Данная же работа концентрируется на изучении евразийства как идеи и ЕАЭС – как её институционального воплощения в контексте создания наднациональной политической идентичности. Потребность создания идентичности такого рода продиктована конструктивистским характером национальной политической идентичности. Если допустить, что внутри государства вопрос политической идентичности создаётся властвующими субъектами искусственно, для объединения нации и легитимации институтов государства, то попытка вписать её в общий, более глобальный контекст, увеличивает эффективность данных действий. Это позволит укрепить позиции страны как на мировой арене, так и укрепить политическую власть внутри государства [11, с. 5].

Евразийский вектор

После распада СССР новообразованные страны встали на путь национального строительства. Правительствам молодых политических предстояло не просто переосмыслить, а создать в своих странах, по большей части не имевших опыта самостоятельной государственности, основу для зарождения и кристаллизации гражданской нации. В Казахстане это вылилось в дискуссии о характере государственности, о его институциональной природе. В этом отношении было два основных сценария. Во-первых, создание этнического государства казахов, так называемая «казахизация» [1, с. 106–116]. Во-вторых, образование нового многонационального государства, где базовой гражданской единицей будет не казах как таковой, а гражданин Казахстана. Данный процесс может быть условно обозначен как «казахстанизация» [22, с. 69–77].

Оба этих процесса предполагали, что будущая нация может и должна быть частью более крупной общности. Своеобразное чувство resentmentа предполагало, что либо элита предложит иные основания, в качестве которых рассматривались идеи пантюркизма, исламизма и т. д., либо ностальгия приведёт к абсолютизации роли советского в общественно-политическом дискурсе. И, соответственно, запросу на интеграцию подобного рода.

Сами интеграционные процессы на постсоветском пространстве носят двойственный характер. С одной стороны, распад СССР вынужденно создаёт административные барьеры для народов и национальных правительств на пути к более тесной интеграции, с другой стороны, необходимость установления отношений с соседними государствами, обеспечения коммуникации являются естественными задачами.

Данные императивы объясняют особенность, что интеграционные процессы в рамках евразийского объединения традиционно представляются СМИ и национальными правительствами как сугубо экономические проекты, стимулирующие синергию межгосударственных отношений стран-участников [3, с. 17–21]. Однако помимо экономической составляющей евразийская интеграция имеет значимый политический смысл.

Любые интеграционные образования не могут иметь только экономическую природу. Более того, создание институтов интеграции неизбежно влечёт за собой и политические последствия, в том числе на уровне идеологии и общих ценностей. Соответственно, для эффективной интеграции необходимо наличие каких-либо общих ценностей «на старте».

Подобный характер интеграционных образований хорошо демонстрирует опыт Турции. Несмотря на то, что заявка на вступление в Европейский союз была подана очень давно, членство страны в организации до сих пор не представляется возможным [10, с. 6–14]. Поводы для отказа могут быть разными, но причины основаны на том, что ценности турецкого общества не являются «европейскими».

В случае постсоветского пространства, объединяющий фактор очевиден: общее наследие, схожий менталитет. Однако поскольку советская платформа дискредитировала себя в момент распада государства, для интеграции необходимы иные исторические концепции. Такой концепцией и стала идея евразийства.

Сама идея евразийства имеет глубокие исторические корни. Ей присуще как наличие классических прочтений апологетами, среди которых выделяются Н. Я. Данилевский, Н. С. Трубецкий, Л. Н. Гумилев и др. [13, с. 38–52], так и условных современных авторов: А. Г. Дугин, некоторые причисляют к числу сторонников евразийства А. Д. Сахарова, М. С. Горбачева, А. А. Акаева [9, с. 2–19].

Среди казахских авторов можно выделить Ч. Валиханова и А. Кунанбаева, чьи концепции предполагали ускоренный переход от вековой отсталости к некоему «высшему культурному развитию», под которым понималось достижение высокого уровня жизни путём глубокой взаимной интеграции в рамках евразийского пространства [16, с. 416–421].

Общий же вектор идеи предполагает, что существует некое евразийское пространство, ценности и принципы жизни политических образований в рамках которого имеют совершенно уникальную природу, отличную как от европейской, так и от азиатских политий. Успешное развитие нации в таком пространстве возможно только с опорой на собственный автохтонный опыт и путём тесной кооперации с евразийскими соседями.

Аксиологическую общность евразийских народов определил исторический путь. Так, как пишет Гумилев, пространство Евразии исторически объединялось три раза. Во-первых, оно было объединено во время Тюркского каганата. Во-вторых, во время монгольского завоевания. И, наконец, в-третьих, пространство было объединено российским государством [6, с. 24].

Исходя из этого, нельзя сказать, что в евразийском пространстве существует какое-то единое основание для наличия общих ценностей, а их цивилизационная принадлежность может быть разной. Ввиду чего, даже объявляя вектор евразийской интеграции, её участники имеют определённое пространство для манёвра.

Старт для современного евразийского проекта был дан Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, которого считают «отцом евразийской интеграции» [3, с. 20]. Идея интеграции подобного рода была озвучена 29 марта 1994 г. в рамках открытой лекции в МГУ им. М. В. Ломоносова. [17, с. 148–158].

Евразийская концепция Н. Назарбаева предполагала, что интеграционный центр общего пространства будет смещён от России в Казахстан, который географически и логистически является ядром Евразии. Эта же идея позволяла создать наднациональную идентичность, закрепить казахстанский народ в качестве части евразийского пространства. «Казахстан должен был одновременно выработать государственную идентичность, определить свое место в Центральной Азии и создать более широкое региональное объединение в масштабах континента. И евразийство отвечало решению всех этих задач» [8, с. 52].

Важным вопросом, однако, является, почему президент Казахстана вспомнил именно об идее евразийства, и были ли какие-либо значимые альтернативы. Касательно причин, по которым Н. Назарбаев обратился именно к евразийской идее, в экспертном сообществе выделяют следующие мотивы [5, с. 65–73].

Во-первых, ввиду достаточно низкой доли титульного этноса в демографической структуре населения и полиэтничную природу государства как такового, с момента своего основания Казахстан стремился найти формулу сохранения межнационального и межконфессионального мира. Эта цель крайне созвучна идее евразийства.

Во-вторых, казахский этнос по своей природе является синкретическим, т. е. включающим в себя элементы культуры и истории многих народов. Большая часть таких сюжетов касаются именно народов, проживающих в евразийском пространстве.

В-третьих, казахскому народу свойственно положительное отношение к предкам, как самих казахов, так и к наследиям других народов. Это обусловлено длительными кочевыми традициями, позволившими соприкоснуться с множеством этносов и государств. Итогом этого стала особенность, что в казахской культуре отсутствует представление об избранных или низших государствах и народах, все воспринимаются как равные партнёры.

Таково причинное ядро выбора евразийской идеи, но были и значимые альтернативы. В этом отношении можно выделить пять потенциальных оснований для строительства новой наднациональной политической идентичности казахстанского народа.

Во-первых, наиболее простым способом конструирования новой политической идентичности является использование советского наследия [15, с. 50–57]. Как это, в свою очередь, было осуществлено на примере Беларуси. Данный сценарий предполагал абсолютизацию идеи, что казахи получили свою государственность именно во времена СССР, что советское время отменилось высокими цивилизационными успехами. В этом плане даже выбор главного города освоения целины – Акмолы, в качестве новой столицы государства, способствовал продвижению данной идеи. Новая национальная элита также была рекрутирована из советской партийной верхушки.

Во-вторых, в девяностые годы в Казахстане набирали идеи пантюркизма и пантуранизма. Они исходили из базовой предпосылки, что «ключевой характеристикой самоидентификации казахов является принадлежность к исламу и тюркской языковой семье» [4, с. 46]. Затрудняли данный сценарий три политических аспекта: риск очень высокой зависимости от признанного лидера тюркского мира – Турции, конфликты с другими тюркскими государствами Центральной Азии, высокий риск конфликтов с РФ, имеющей в своём составе тюркские образования.

В-третьих, крушение Советского государства активизировало интерес к религии. В этом отношении был вероятен сценарий не только более значимого осознания казахского общества как части мусульманской уммы, но и даже эвристические проекты строительства в Казахстане исламского государства [7, с. 153–159]. Подобный сценарий имел значимое количество рисков. Прежде всего, проводниками религиозных идей выступали лидеры, напрямую конфликтующие с постсоветской элитой страны. Кроме того, заигрывание с религиозной повесткой в ряде других стран региона приводило к системным внутривнутриполитическим конфликтам, в том числе дошедших до фазы вооружённой борьбы.

В-четвёртых, с начала 1990-х гг. в Центральную Азию пришёл ещё один крупный геополитический игрок – Китай, который также стал предлагать интеграционные проекты. Институционально данные проекты получили оформление в 2010-х гг. с проектом «Один пояс – один путь» [18, с. 143–153]. Этот и схожие проекты предполагали высокий уровень логистической и экономической интеграции с КНР, суливший значимые инвестиции. При этом фактически партнёры попадали в зависимость и становились частью выстраиваемого китайского лимитрофа. Представляется, что этот сценарий отчасти был реализован, хотя партнёрство стараются ограничивать исключительно экономическими вопросами. Это связано как с многовекторной политикой Казахстана, так и с рядом политических противоречий, в частности, по уйгурскому вопросу.

В-пятых, сценарий, предполагавший аутентичную инициативу Казахстана, которая выстраивала политическую идентичность на макроуровне согласно утилитарным цивилизационным потребностям страны. Такой идеей и стало евразийство. «Руководством Республики Казахстан евразийство было предложено в качестве конструктивной геополитической доктрины, предусматривавшей новый механизм политической и экономической интеграции постсоветских государств» [21, с. 42].

В 1997 г. в послании народу первого президента Казахстана Н. Назарбаева была озвучена концепция долгосрочного развития страны до 2030 г., получившее название «Казахстан-2030». В ней он озвучил следующий тезис: «Мы – евразийская страна, имеющая свою собственную историю и своё собственное будущее. Поэтому наша модель не будет похожа ни на чью другую. Она впитает в себя достижения разных цивилизаций» [8, с. 57].

Долгая работа над институционализацией евразийского сценария привела к заключению договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве России, Беларуси и Казахстана. А уже через год, в 2000 г., на саммите в Минске была озвучена идея создания Евразийского союза [9, с. 2–19]. В 2001 г. интеграция была углублена путём создания Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), куда вошли Казахстан, Россия, Беларусь, Киргизия и Таджикистан [19, с. 20–29], а уже «к началу 2015 г. ядром постсоветской интеграции являются Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия, образующие Евразийский экономический союз» [9, с. 4].

Общая интеграция в рамках ЕАЭС представляет собой не только экономическое сотрудничество, но и значимую долю интеграции, которая представляет собой возможность для институционализации общего пространства, возможность для граждан чувствовать себя частью единого символического пространства.

Общие институты интеграции касаются вопросов трансграничного сотрудничества. В первую очередь, это вопрос взаимной торговли, смягчение и отсутствие таможенных барьеров, стандартизация производства. Также взаимодействие по линии реализации совместных экономических проектов. Большая часть сотрудничества укладывается в так называемые «четыре экономических свободы»: свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Не менее, а отчасти и более значимая часть интеграции, появление общего символического пространства, связанного с ощущением воссоединения с братскими народами, успехом во внешней политике, «Собиранием земель», формированием «центра силы» [4, с. 11–12]. Данные сюжеты улавливались как в российском, так и в казахском обществах. Показательна лишь разница в подходах. Тогда как в российском общественно-политическом дискурсе данные тенденции имели чёткую и однозначную позитивную презумпцию [3, с. 17–21], в Казахстане же они приобрели чёткую алармистскую природу – отдельные представители национальной элиты рассматривают интеграцию как экзистенциальную угрозу суверенитету и независимости, экспансионистскую колониальную политику и вмешательство во внутренние дела. Несмотря на подобные опасения, факт добровольности участия страны в интеграционных процессах, однако, показывает низкий уровень их состоятельности.

Таким образом, формируется принципиальная разница в восприятии контуров интеграции между ключевыми участниками ЕАЭС, имеющими общую границу в рамках евразийского пространства: Россией, Беларусью и Казахстаном. Расхождения между РФ и Беларусью в основном касаются политической риторики: Минск пытается добиться максимальных уступок и больших объёмов финансовой помощи от Москвы, тем не менее, охотно идя на всестороннюю политическую интеграцию [19, с. 20–29]. В Астане хоть и считают евразийскую интеграцию основным сценарием и не приемлют ей иных описанных альтернатив, решительно не готовы

на более глубокую интеграцию [3, с. 17–21]. Это можно заметить как по заявлениям представителей политической элиты, так и формальным шагам. В частности, если граница между Беларусью и Россией фактически отсутствует, то российско-казахстанская граница упразднена только в части таможенного контроля, для её пересечения гражданами необходимо пройти всю полноту формальных процедур.

Также власти Казахстана стараются ограничить политические цели России в рамках ЕАЭС. Это можно увидеть в ходе переговорного процесса: «по предложению Казахстана, изъят пункт о праве России защищать интересы своих соотечественников в других странах» [9, с. 5].

В целом, казахстанская версия евразийской интеграции имеет значимые отличия от понимания другими странами. Сложно говорить о том, что она носит только экономический характер: казахстанскому обществу присуща витальная потребность идентифицировать себя частью большего. Также в этом заинтересованы элиты, мнение которых исходит из постулата о том, что как части ЕАЭС Казахстану проще вести переговоры с крупными игроками на мировой арене.

Однако данная интеграция для Казахстана является элементом национального строительства, обретения, а не размытия суверенитета, способом легитимации национальных политических и экономических институтов. Отмечается, что такая версия евразийства является «странным сплавом единого экономического пространства в сочетании с независимым национальным строительством и суверенной внешней политикой каждого участника СНГ» [2, с. 89].

Подобные идеологические противоречия способствуют общественным и академическим дискуссиям, касательно будущего евразийской интеграции. Данная дискуссия касается как непосредственно институтов ЕАЭС, так и идеи евразийства как аксиологической основы для конструирования политической идентичности на макроуровне. В этом отношении, выделяют три основных сценария, по которым будет развиваться евразийская интеграция [2, с. 85–98].

Во-первых, наиболее скептический сценарий предполагает, что сам проект евразийской интеграции потеряет актуальность и будет забыт. Данную точку зрения подпитывают два аргумента. Прежде всего, то, что в основе интеграции вынужденные предпосылки, а именно – минимизировать вред от распада СССР. Кроме того, евразийский вектор может потерять актуальность из-за политических противоречий и отдельных проблем на постсоветском пространстве.

Во-вторых, в противовес первому, существует сценарий, предполагающий развитие евразийской интеграции по всем направлениям. Данный сценарий предполагает не только экономическую, но и глубокую политическую интеграцию. Создание новых институтов, ликвидация физической границы, объединения национальных информационных систем, создание единой валюты. При этом интеграция может носить равноправный и транспарентный характер, сохраняя суверенитет за участниками объединения.

В-третьих, существует сценарий, предполагающий, что евразийская интеграция станет инструментом продвижения национальных интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве. Такой сценарий предполагает асимметричный характер интеграции, значительные финансовые и ресурсные вливания со стороны РФ. Данный сценарий, однако, предполагает возрастание количества игроков в Центральной Азии и её дальнейшую регионализацию.

Многие эксперты предполагают, что интеграция идёт именно по данному сценарию. Для нивелирования рисков развития данного сценария Казахстан стремится увеличить количество задействованных в евразийской интеграции стран. В частности, Астана предлагала взять в ЕАЭС в качестве полноценного участника Турцию. Некоторые же отмечают, что подобные действия свидетельствуют об отходе от евразийского сценария в пользу пантюркизма [19, с. 20–29].

Несмотря на то, что именно Казахстан инициировал евразийскую интеграцию, внутри страны набирают оборот скептические настроения. Более того, всё больше политиков настроены против участия страны в ЕАЭС и какого-либо сближения с Россией [19, с. 20–29].

Выводы

Внешняя политика Казахстана традиционно имеет многовекторный характер. Страна стремится диверсифицировать влияние различных стран, видя в такой политике способ сохранения своего суверенитета. Подобный подход касается и идеологических вопросов.

Легитимация политических институтов в молодом казахстанском государстве требует создания политической идентичности, имеющей несколько аспектов. Прежде всего, национальной идентичности, касающейся внутренней самоидентификации граждан. Но высокое значение имеет и политическая идентичность на макроуровне – наднационального толка. Казахстанский народ исторически привык ощущать себя чем-то большим, будь то Тюркский каганат, Монгольская империя или Российское государство.

Наиболее популярными конструктами подобного толка являются аллюзии на советский опыт, восприятие казахов как части большой семьи советских народов. Однако данный сценарий не соответствует утилитарным потребностям развития государства. В связи с этим и была найдена новая альтернативная идея – евразийство. Эксперты сходятся во мнении, что данную идею невозможно рассматривать в качестве основания для исключительно экономической интеграции. «В своём историческом, экономическом и культурном развитии Казахстан соотносит себя с понятием “Евразия”, которое можно рассматривать... с одной стороны, как континент, а с другой – как цивилизацию, обладающую уникальными геополитическими, природными, демографическими и социокультурными характеристиками» [8, с. 56].

Перспективы евразийской интеграции на сегодняшний день являются сложно прогнозируемыми. Этому способствует как высокий градус политической турбулентности на постсоветском пространстве, так и высокая политическая динамика в странах-участницах ЕАЭС. С одной стороны, идёт интенсивный диалог о более глубокой интеграции, например, создании единой валюты – алтын. С другой стороны, возрастает количество противоречий между странами, а в их обществах и элитах нарастают скептические настроения.

Список литературы

1. Анарбек, Н. Социокультурные механизмы воспроизводства духовных ценностей общества / Н. Анарбек // Социологический альманах. – 2019. – № 10. – С. 106–116.
2. Большаков, А. Г. Россия в поиске оптимальной модели постсоветской интеграции: станет ли 2012 год переломным? / А. Г. Большаков // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3, № 3. – С. 85–98.
3. Гальцина, Д. А. Национальные особенности освещения процессов евразийской интеграции в СМИ государств-участников ЕАЭС / Д. А. Гальцина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1–2 (67). – С. 17–21.
4. Грачев, Б. В. Цивилизационный фактор в процессе государственного строительства стран-основательниц Евразийского экономического союза / Б. В. Грачев // *Juvenis Scientia*. – 2019. – № 11–12. – С. 23–28. doi: 10.32415/jscientia.2019.11-12.06.
5. Гребениченко, С. Ф. Евразийская идея Н. А. Назарбаева в условиях Содружества независимых государств / С. Ф. Гребениченко, Р. Е. Сагитдинов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. – 2015. – № 1. – С. 65–73.
6. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – Москва : АСТ, 2008. – 710 с.
7. Данилов, В. Л. Причины и предпосылки проникновения идеологии радикального ислама в Республику Казахстан в конце XX в. / В. Л. Данилов, О. В. Филиппов // *Вестник Омской православной духовной семинарии*. – 2019. – № 1 (6). – С. 153–159.
8. Егоров, Д. В. Переосмысливая евразийскую концепцию: проект евразийского союза Н. А. Назарбаева / Д. В. Егоров // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. – 2014. – № 1. – С. 51–59.
9. Зиядуллаев, Н. С. Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности / Н. С. Зиядуллаев // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2015. – Т. 11, № 15 (300). – С. 2–19.
10. Исаков, А. С. Политическая модернизация в современной Турции: институциональное измерение / А. С. Исаков // *Вопросы управления*. – 2019. – № 6 (61). – С. 6–14. doi: 10.22394/2304-3369-2019-6-6-14.

11. Керимов, А. А. Парламентаризм и легитимность политической власти: обоснование взаимосвязи / А. А. Керимов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2015. – № 2. doi: 10.18384/2224-0209-2015-2-991.
12. Козьменко, В. М. Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси – основа их экономической безопасности / В. М. Козьменко, Р. Е. Сагиндиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 87–94.
13. Королев, А. А. Евразийство: от идей к современной практике / А. А. Королев // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 38–52. doi: 10.17805/zpu.2015.1.4.
14. Осадчая, Г. И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение / Г. И. Осадчая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 57–70.
15. Очкина, А. В. К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» / А. В. Очкина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 50–57.
16. Сариева, А. Т. Идея евразийства в политике Республики Казахстан / А. Т. Сариева // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция : сб. ст. участников Междунар. молодёж. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 25–26 октября 2016 г.). – Екатеринбург : Уральский ун-т, 2016. – С. 416–421.
17. Сарсенов, А. М. Правовые основы создания Евразийского экономического союза / А. М. Сарсенов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2016. – № 4 (45). – С. 148–158.
18. Соколова, О. Ю. Евразийский экономический союз и экономический пояс Шелкового пути: проблемы и перспективы сотрудничества / О. Ю. Соколова, В. А. Скворцова, Ю. И. Антипова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 2(46). – С. 143–153. doi: 10.21685/2072-3016-2018-2-17.
19. Темнышев, И. А. Евразийский вектор внешней политики России / И. А. Темнышев // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2 (220). – С. 20–29. doi: 10.5862/JHSS.220.2.
20. Токмакова, М. В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве / М. В. Токмакова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2013. – № 2. – С. 189–196.
21. Фаизова, Р. С. Идея евразийства в политике Республики Казахстан: теория и практика / Р. С. Фаизова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2011. – № 7. – С. 42–45.
22. Хименес Товар, С. «Казахстанизация» Казахстана: языковая политика, национализм и этнические меньшинства / С. Хименес Товар // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 1 (271). – С. 69–77.
23. Яшкова, Т. А. Становление и развитие современного Евразийского пространства / Т. А. Яшкова // Коммуникология. – 2018. – № 2. – С. 85–93.

References

1. Anarbek, N. Sotsiokulturnye mekhanizmy vosproizvodstva duhovnykh tsennostey obshchestva [Sociocultural mechanisms for the reproduction of society's spiritual values]. *Sotsiologicheskii almanakh* [Sociological almanac]. 2019, no. 10, pp. 106–116.
2. Bolshakov, A. G. Rossiya v poiske optimalnoy modeli postsovetsoy integratsii: stanet li 2012 god perelomnym? [Russia in search of an optimal model of post-Soviet integration: will 2012 be a turning point?]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative policy]. 2012, vol. 3, no. 3, pp. 85–98.
3. Galtsina, D. A. Natsionalnye osobennosti osvshcheniya protsessov evraziyskoy integratsii v SMI gosudarstv-uchastnikov EAES [National Peculiarities of Coverage of Eurasian Integration Processes in the Mass Media of the EAEU Member States]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017, no. 1–2 (67), pp. 17–21.
4. Grachev, B. V. Tsvivilizatsionnyy faktor v protsesse gosudarstvennogo stroitelstva stran-osnovatel'nits Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Civilization factor in the process of state building of the founding countries of the Eurasian Economic Union]. *Juvenis Scientia*. 2019, no. 11–12, pp. 23–28. doi 10.32415/jscientia.2019.11-12.06.
5. Grebenichenko, S. F., Sagindikov R. E. Evraziyskaya ideya N. A. Nazarbaeva v usloviyakh Sodrzhestva nezavisimyykh gosudarstv [Nazarbayev in the Commonwealth of Independent States]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Vseobshchaya istoriya"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "General History"]. 2015, no. 1, pp. 65–73.
6. Gumilev, L. N. *Ritmy Evrazii: Epokhi i tsvivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow; AST: 2008, 710 p.
7. Danilov, V. L., Filippov, O. V. Prichiny i predposylki proniknoveniya ideologii radikalnogo islama v Respubliku Kazahstan v kontse XX v [Causes and prerequisites for the penetration of the ideology of radical Islam into the Republic of Kazakhstan at the end of the 20th century]. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy duhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary]. 2019, no. 1 (6), pp. 153–159.
8. Egorov, D. V. Pereosmyslivaya evraziyskuyu kontseptsiyu: proekt evraziyskogo soyuza N. A. Nazarbaeva [Rethinking the Eurasian concept: the project of the Eurasian Union N. A. Nazarbayev]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Politologiya"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Political Science"]. 2014, no. 1, pp. 51–59.
9. Ziyadullaev, N. S. Natsionalnye priority i perspektivy Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza v usloviyakh integratsii i globalnoy nestabilnosti [National priorities and prospects of the Eurasian Economic Union in the context of integration and global instability]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security]. 2015, vol. 11, no. 15 (300), pp. 2–19.
10. Isakov, A. S. Politicheskaya modernizatsiya v sovremennoy Turtsii: institutsionalnoe izmerenie [Political Modernization in Contemporary Turkey: An Institutional Dimension]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. 2019, no. 6 (61), pp. 6–14. doi: 10.22394/2304-3369-2019-6-6-14.
11. Kerimov, A. A. Parlamentarizm i legitimnost politicheskoy vlasti: obosnovanie vzaimosvyazi [Parliamentarianism and the legitimacy of political power: substantiation of the relationship]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2015, no. 2, doi: 10.18384/2224-0209-2015-2-991.
12. Kozmenko, V. M. Tamozhennyi soyuz Rossii, Kazakhstana i Belarusi – osnova ikh ekonomicheskoy bezopasnosti [The Customs Union of Russia, Kazakhstan and Belarus is the basis of their economic security]. *Vestnik RUDN. Seriya "Mezhdunarodnye otnosheniya"* [Bulletin of RUDN University. Series "International Relations"]. 2014, no. 4, pp. 87–94.
13. Korolev, A. A. Evraziystvo: ot idey k sovremennoy praktike [Eurasianism: from ideas to modern practice]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2015, no. 1, pp. 38–52. doi: 10.17805/zpu.2015.1.4.
14. Osadchaya, G. I. Rossiya v kontekste evraziyskoy integratsii: sotsialnoe izmerenie [Russia in the Context of Eurasian Integration: Social Dimension]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Sotsiologiya"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Sociology"]. 2015, vol. 15, no. 4, pp. 57–70.
15. Ochkina, A. V. K voprosu o sotsialnoy prirode "sovetskoy nostalgii" [To the question of the social nature of "Soviet nostalgia"]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. 2012, no. 28, pp. 50–57.
16. Sarieva, A. T. Ideya evraziystva v politike Respubliki Kazahstan [The idea of Eurasianism in the politics of the Republic of Kazakhstan]. *Innovatsionnyy potentsial molodezhi: globalizatsiya, politika, integratsiya* [Innovative potential of youth: globalization, politics, integration]. Ekaterinburg: Ural State University; 2016, pp. 416–421.
17. Sarsenov, A. M. Pravovye osnovy sozdaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Legal basis for the creation of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazahstan* [Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan]. 2016, no. 4 (45), pp. 148–158.

18. Sokolova, O. Y., Skvortsova V. A., Antipova Y. I. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz i ekonomicheskiy poayas Shelkovogo puti: problemy i perspektivy sotrudnichestva [The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Problems and Prospects for Cooperation] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences]. 2018, no. 2 (46), pp. 143–153. doi: 10.21685/2072-3016-2018-2-17.
19. Temnyshv, I. A. Evraziyskiy vektor vneshney politiki Rossii [Eurasian vector of Russian foreign policy]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical statements of the Saint Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences]. 2015, no. 2 (220), pp. 20–29. doi: 10.5862/JHSS.220.2.
20. Tokmakova, M. V. Integratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve [Integration processes in the post-Soviet space] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18 "Sotsiologiya i politologiya"* [Bulletin of Moscow University. Series 18 "Sociology and political science"]. 2013, no. 2, pp. 189–196.
21. Faizova, R. S. Ideya evraziystva v politike Respubliki Kazahstan: teoriya i praktika [The Idea of Eurasianism in the Politics of the Republic of Kazakhstan: Theory and Practice]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)* [MIR (Modernization. Innovations. Development)]. 2011, no. 7, pp. 42–45.
22. Khimenes Tovar, S. "Kazahstanizatsiya" Kazakhstana: yazykovaya politika, natsionalizm i etnicheskie menshinstva ["Kazahstanization" of Kazakhstan: language policy, nationalism and ethnic minorities]. *Rossiya i musulmanskii mir* [Russia and the Muslim world]. 2015, no. 1 (271), pp. 69–77.
23. Yashkova, T. A. Stanovlenie i razvitiye sovremennoy Evraziyskoy prostranstva [Formation and development of the modern Eurasian space]. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2018, no. 2, pp. 85–93.

Информация об авторе

Кабазиев М. Ш. – соискатель кафедры политических наук.

Information about the author

Kabaziev M. Sh. – Candidate of the Department of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 05.11.2022; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication 30.01.2023.